

Прокофьева Елена Юрьевна

**ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА И ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ РАБОЧИХ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В 1920-Е ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ)**

Статья раскрывает проблемы регулирования труда и заработной платы рабочих на государственных промышленных предприятиях Центрального Черноземья в 1920-е годы. Автор акцентирует внимание на противоречивых установках большевистского руководства в ходе становления и эволюции советской системы трудовых отношений, в том числе по реализации принципов распределения и оплаты труда, по непропорциональному перераспределению бюджетных средств на нужды промышленности, породивших социально-экономическую напряженность в советском обществе.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/12-2/36.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2012. № 12 (26): в 3-х ч. Ч. II. С. 151-158. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(47).084.3/5/6

Исторические науки и археология

Статья раскрывает проблемы регулирования труда и заработной платы рабочих на государственных промышленных предприятиях Центрального Черноземья в 1920-е годы. Автор акцентирует внимание на противоречивых установках большевистского руководства в ходе становления и эволюции советской системы трудовых отношений, в том числе по реализации принципов распределения и оплаты труда, по непропорциональному перераспределению бюджетных средств на нужды промышленности, породивших социально-экономическую напряженность в советском обществе.

Ключевые слова и фразы: государственная промышленность; Центрально-Черноземная область (ЦЧО); принудительные займы; нормы выработки; оплата труда; коллективные договоры; тарификация.

Елена Юрьевна Прокофьева, к.и.н., доцент

Кафедра российской истории

Белгородский государственный национально-исследовательский университет

prokofievaeu@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА И ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ РАБОЧИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В 1920-Е ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ)[©]

1920-е годы невозможно понять без учета доминирующего фактора партийно-государственного руководства всеми сферами жизни советского общества. Государственное регулирование, в том числе и хозяйственной сферы, в годы нэпа имело важнейшую определяющую цель – сохранение и укрепление новой правящей элитой политической власти.

Результаты любых реформ напрямую зависят от того, как эти реформы повлияют на уровень жизни населения, особенно тех слоев, которые по идеологической догме правящей элиты должны были в «переходный к социализму период» претерпеть социальную трансформацию: «кто был ничем – тот станет всем». В первую очередь этот постулат касался рабочего класса, объявленного в новом обществе «гегемоном». Такая политико-идеологическая схема руководства страны порождала серьезные противоречия, поскольку не давала нэпу возможности развиваться поступательно, исходя из объективных возможностей реально достигнутого уровня социально-экономического развития советского общества [4, с. 172; 35].

В 1922-1924 гг. в стране была успешно проведена денежная реформа. Однако «твердый» червонец существовал недолго, поскольку при крайне ограниченном золотом запасе (менее 1/7 части довоенного), низком уровне и ограниченном ассортименте советского экспорта его валютный курс был серьезно завышен [24, с. 153]. Трудности с сырьем и недопоставки государству продукции сельского хозяйства в конце 1924 г. властями объяснялись неурожаем. Но положение усугубило начатое с 1923 г. в рамках политики государственного регулирования «перераспределение» бюджетных ресурсов в промышленность за счет сельского хозяйства, продолжавшееся на протяжении 1920-30-х гг. На крестьянское население было возложено более 75% налогового бремени, а «твердые» директивные государственные цены предполагали их формирование исключительно в интересах промышленности. Задаче «перекачки» средств из села в город была подчинена и «классовая» налоговая система. Помимо основной ставки, был установлен прогрессивный налог по совокупности доходов, построенный также по классовому принципу. Прогрессивный налог взимался, если совокупный доход превышал установленный минимум. Для рабочих этот минимум составлял 75 руб. в месяц. Законом от 24 сентября 1926 г. был отменен основной подоходный налог, но на 32% повышена ставка прогрессивного налога для т.н. «нетрудового элемента» [23, с. 65-66].

Важнейшей задачей нэпа являлось поддержание социальной стабильности. Но противоречия «нового курса» не смягчали, а обостряли социальные проблемы. Заработная плата рабочих во второй половине 1920-х гг. колебалась вблизи прожиточного минимума при систематическом отставании темпов ее повышения от роста производительности труда в госпромышленности. Эту проблему партийно-советские органы при помощи отраслевых профсоюзов пытались решить путем интенсификации труда, что вызывало возмущение рабочих. Негативные тенденции проявлялись и в том, что зарплата рабочих легкой и пищевой промышленности в соответствии с большей рентабельностью производства росла быстрее, чем в тяжелых отраслях. Это вынуждало власти проводить политику «выравнивания» оплаты труда за счет административного «сдерживания» роста зарплаты в легкой промышленности и повышения ее в отраслях группы «А». Положение с оплатой труда усугубляло снижение качественных характеристик основного состава фабрично-заводских рабочих. К 1926 г. «по основному роду занятий» к рабочим возможно было отнести лишь 10,4% населения СССР [19, с. 9].

Процесс восстановления довоенной численности рабочих также был неоднозначен. По официальным данным в 1927 г. рабочий класс СССР (в сопоставимых границах) составлял 106% от уровня 1913 г., а число рабочих в крупной промышленности достигло довоенного уровня в 2,5 млн чел. [18, с. 13].

Однако восстановление квалифицированных кадров в тяжелых отраслях госпромышленности шло медленно, причем основной состав рабочих пополнялся выходцами из села. При большом разном в тарифных ставках на различных предприятиях одного и того же региона рабочий был заинтересован не в профессиональном росте и более производительном труде, а в поисках такого предприятия, где при той же работе и той же квалификации тарифные ставки были бы наиболее высокими. Это порождало текучесть кадров и приток на производство неквалифицированного персонала. Численное преобладание «неквалифицированной или малоквалифицированной массы» над квалифицированным контингентом рабочих вело к распространению в рабочей среде «уравнительных» по отношению к заработной плате настроений. В этой связи оплата по количеству и качеству труда, присущая нэп, расшифровывалась рабочими как «новая эксплуатация пролетариата».

В конечном итоге свернуть нэп и окончательно перейти к директивно-плановой экономике советское руководство заставило неоднозначные, в том числе и экономические его результаты. Несмотря на официальные утверждения о том, что к 1928 г. в стране был достигнут уровень 1913 г. по среднегодовому национальному доходу в расчете на душу населения, экономисты «старой» школы, работавшие в СССР, не могли согласиться с этой завышенной цифрой. Так, А. Л. Вайнштейн утверждал, что в 1928 г. совокупный объем национального дохода в СССР составлял не 119% (как утверждала официальная советская статистика), но только 90% довоенного [2, с. 75]. В расчете национального дохода на душу населения современные подсчеты выявили, что с учетом роста населения страны за период с 1913 г. по 1928 г. на 5%, душевое производство национального дохода в СССР сократилось за этот период, по сравнению с 1913 г., на 15-20% [10, с. 73].

«Командные» методы регулирования не могли обеспечить стабильный рост производительности труда и эффективность производства. В госпромышленности к 1928-1929 гг., по сравнению с 1913 г., производительность труда снизилась по разным отраслям от 17 до 23%. Прибыль, получаемая предприятиями, была в среднем на 20% ниже довоенной. В целом к концу 20-х гг. СССР все еще оставался на начальной стадии индустриализации. В крупной промышленности производилось 20-25% национального дохода страны, а уровень производства промышленной продукции на душу населения был в 5-10 раз ниже, чем в индустриально развитых странах [6, с. 23-24].

По мере восстановления промышленности в СССР нарастал «товарный голод». Обострение дефицита товаров в значительной степени было обусловлено правительственным курсом на приоритетное форсированное развитие отраслей тяжелой промышленности группы «А» за счет отраслей группы «Б», что нарушало нормальный товарооборот между городом и деревней. Попытки справиться с товарным дефицитом административными методами государственного регулирования, т.е. распределения товаров в соответствии с «планами завоза» по регионам, были неэффективны и порождали всеобщее недовольство населения. Государственное регулирование все более захватывало такие сферы, как заготовка сырья, условия производства и продажи промышленной продукции, оплата труда (в сторону сдерживания ее роста и «выравнивания» по отраслям), нормы выработки и условия труда на госпредприятиях (в сторону его интенсификации).

Срыв плана хлебозаготовок 1927-1928 гг. поставил под угрозу продовольственное снабжение армии и городов, а также экспортные поставки за рубеж. На возникшие продовольственные затруднения рынок отреагировал скачком цен в пользу сельскохозяйственного сектора. Это привело к всплеску недовольства населения городов, прежде всего рабочих крупных промышленных предприятий. В результате советское правительство вынуждено было в конце 1927 – первой половине 1928 г. ввести в промышленных центрах страны нормированное распределение товаров первой необходимости, а со второй половины 1928 г. – продовольственные карточки. Кроме того, в 1928 г. была проведена тарифная реформа по нивелированию оплаты труда между высококвалифицированным и малоквалифицированным трудом в промышленности. Новые тарифные ставки резко ограничили сдельную оплату труда рабочих (т.н. рабочие приработки) и увеличили повременную оплату, что привело к «усреднению» оплаты труда в госпромышленности за счет увеличения зарплаток у низкооплачиваемых и снижения у высокооплачиваемых категорий рабочих [28, с. 324-325; 32, с. 25].

В конце 20-х гг. стало ясно, что в стране достигнут предел по извлечению финансовых средств экономическими методами. Поэтому в 1927 г. правительство вынуждено было пойти на первый, но далеко не последний принудительный «займ индустриализации», что обычно в государстве происходит только в чрезвычайной ситуации. С этого времени принудительные займы у населения становятся важным источником пополнения советского государственного бюджета, наряду со значительной денежной эмиссией и «ножницами цен» на сельскохозяйственную и промышленную продукцию. В 1928-1929 гг. в среднем по СССР ежемесячная сумма расхода одной рабочей семьи на государственные займы составляла (в коп. по кварталам): в I кв. – 61 коп.; во II кв. – 63; в III кв. – 62; в IV кв. – 34 коп. То есть не менее 6 руб. 60 коп. в год [33, с. 100].

В исследуемый период к числу основных губерний Черноземного Центра РСФСР, объединенных в 1928 г. в Центрально-Черноземную область (ЦЧО), принадлежали Воронежская, Курская, Орловская и Тамбовская губернии. У рабочих, госслужащих и крестьян ЦЧО, как и по всей стране, «займы индустриализации» особого воодушевления не вызывали. В 1929 г. был выпущен третий по счету займ «на нужды индустриализации», выполнение которого планировалось на середину июля 1930 г. Не дождавшись его полной реализации, с весны 1930 г. в СССР начала разворачиваться очередная кампания по подписке на следующий займ, получивший название «Пятилетка в четыре года». Однако подписка на «Пятилетку» не могла быть оформлена без погашения долгов и полной оплаты населением ЦЧО уже приобретенных облигаций по предыдущему, 3-му займу индустриализации. Заместитель председателя облисполкома ЦЧО Гинзбург на заседании работавшей при облисполкоме специальной комиссии по госкредиту и сберегательным займам в мае 1930 г.

сообщил неутешительные итоги реализации облигаций 3-го займа индустриализации на территории ЦЧО. По данным на 1 мая 1930 г., задолженность населения области по займу составляла 3660 тыс. руб. Из них, по коллективной подписке рабочих и служащих – 1210 тыс. руб. и по крестьянской – 2450 тыс. руб. [7, д. 145, л. 4]. Гинзбург подчеркнул, что невыполнение плановой нормы займа крестьянами имело место даже после того, как первоначальный план по их подписке для ЦЧО был сокращен на 1 млн руб. Кампания по реализации 3-го займа индустриализации среди многочисленных сезонных рабочих в ЦЧО вообще «развернута» не была. После попыток организовать подписку среди сезонников и определения «контрольных заданий по займу» для этой категории рабочих в 755 тыс. руб., к концу мая 1930 г. оказалось, что реально было распространено облигаций (в большинстве своем в долг) всего на 70 тыс. руб. (9,3% от плана). Из сезонных рабочих, согласившихся взять облигации, их стоимость сразу при покупке имели возможность оплатить немногие. В результате общая сумма, реально выплаченная за облигации у этой категории рабочих, была мизерной и составила 5478 руб. (0,7% от плана) [Там же].

Вместе с тем провальные результаты 3-го займа не смягчили тяжелые условия разворачивающейся подписки на новый займ. В ноябре 1930 г. СНК РСФСР утвердил предварительные контрольные его цифры для РСФСР, в том числе и по ЦЧО [Там же, л. 14]. Если принять контрольные цифры займа «Пятилетка в четыре года» в целом по РСФСР за 100%, то наиболее развитая в промышленном отношении Московская область должна была обеспечить подписку на 22%, Средне-Волжский край – на 4,3%, Нижне-Волжский – на 4%, ЦЧО – на 5% от общей суммы займа. Обращает на себя внимание тот факт, что из 4-х перечисленных районов по объему займа не только для крестьян, но и для рабочих и служащих ЦЧО занимала второе после промышленно развитой Московской области место, в то время как по численности и промышленных предприятий, и рабочих она существенно уступала даже районам Поволжья.

Учитывая серьезное отставание в темпах восстановления хозяйства, а также задолженность населения по предыдущим займам, предложенные СНК РСФСР для региона нормы нового займа были нереальны для выполнения. Несмотря на это, президиум облисполкома ЦЧО в своем циркуляре от 24 ноября 1930 г. вынужден был принять «спущенные сверху» условия займа и его сроки без возражений: «Кампания по реализации займа “Пятилетка в четыре года” начинается 15 июля 1930 г. и должна завершиться 1 октября – 1 ноября 1930 г.» [Там же, л. 20]. Таким образом, население обязывалось погасить долги за предыдущий займ и сразу же осуществлять подписку на следующий. В циркуляре отмечалось, что «выполнение контрольной цифры безусловно должно быть обеспечено» [Там же, л. 4]. Все перечисленные меры были несопоставимы с рыночными механизмами нэпа. Принудительное изъятие средств у населения, переход в 1928 г. к чрезвычайным конфискационным методам хлебозаготовок, а в 1929 г. – к тотальной насильственной коллективизации окончательно ликвидировали нэп.

Регионы России в той или иной степени отражали все противоречия нэпа. В аграрном Черноземье, где промышленность была представлена преимущественно сельхозперерабатывающим производством, главной ее особенностью являлась неразрывная связь с сельским хозяйством региона, включая и социальные особенности рабочих, являвшихся в подавляющей массе выходцами из села или даже сезонно работавшими на производстве крестьянами, живущими поблизости от расположенных в сельской местности предприятий. Анализ особенностей, количественного и качественного составов промышленных предприятий, числа занятых рабочих в Центральном Черноземье подтверждает общий вывод о слабости развития промышленного сектора экономики края в 20-е гг., его неразрывной связи и прямой зависимости от сельскохозяйственного производства и абсолютном преобладании в индустрии региона сельхозперерабатывающих отраслей.

Вместе с тем, начиная с середины и до конца 20-х гг. в ЦЧО шло неуклонное снижение числа рабочих, занятых в отраслях промышленности группы «Б» (на 2,2%), при резком его увеличении (на 30,2%) в отраслях группы «А» [15, с. 22, 30]. Это свидетельствовало о начале коренной структурной перестройки, сопровождавшейся ломкой традиционной отраслевой системы, исторически присущей такому аграрному региону, как Черноземный Центр России. При этом для советской власти особую опасность представлял процесс «распыления» кадрового состава квалифицированных фабрично-заводских рабочих, поскольку численность этой категории в общем количестве рабочих ценовой промышленности к началу 1921 г. резко сократилась. К середине 1921 г. она составляла по РСФСР от 38 до 40%, а в губерниях Черноземного Центра – от 18 до 25% общей численности рабочих. Тогда как в 1913 г. по губерниям Центральной России этот показатель, в среднем, приближался к 60%, в Черноземье – к 40%. Преодолеть эту опасную тенденцию в Черноземном Центре РСФСР не удалось вплоть до начала форсированной индустриализации [13, с. 23-24].

В основных губерниях Черноземного Центра РСФСР, где восстановительный процесс начался только с 1923 г., возрождение промышленности шло медленно и крайне «неровно». В 1924-1925 гг. было восстановлено лишь 46,2% ценовых предприятий региона и 52% численного довоенного состава рабочих и служащих. К началу 1-й пятилетки в ЦЧО рабочих было меньше, чем в Центральном промышленном районе в 11 раз, в 5 раз меньше, чем в среднем по РСФСР, и в 4 раза меньше, чем в среднем по СССР. Вместе с тем характерное для общесоюзных показателей существенное снижение в 1925-1926 гг. роста численности рабочих, вызванное плановой политикой государственного регулирования, в Черноземье было значительно меньшим, чем в среднем по России – 8% против 31% соответственно [27, с. 117; 30, с. 15-16, 141-142, 144]. Дело в том, что в аграрной ЦЧО в обозначенный период проводилась политика преодоления ее отставания в индустриальном развитии от промышленно развитых регионов страны. В этой связи в 1928-1929 гг. произошло не сокращение, но резкий рост (на 120% по отношению к 1926-1927 гг.) численного состава рабочих.

Эта возможность обуславливалась дополнительным выделением из госбюджета на нужды восстановления и развития ЦЧО более 90 млн руб. и организацией в сельской местности государственного набора рабочих на региональные новостройки 1-й пятилетки. Как уже отмечалось, финансирование экстенсивного развития промышленности осуществлялось на общегосударственном уровне за счет непропорционального перераспределения средств, их «перекачки» из сельского хозяйства в город [15, с. 20; 30, с. 144].

Несмотря на то, что КЗоТ 1922 г. законодательно закрепил переход от принудительно-распределительного к договорному методу набора рабочей силы, монопольный контроль государства за процессом привлечения рабочих и служащих (особенно в промышленный сектор экономики) сохранялся. В соответствии со ст. 5 КЗоТ 1922 г., гражданам было предоставлено право добровольного найма на работу. Однако все предприятия должны были осуществлять найм рабочей силы только через официальные органы Наркомата труда (НКТ) – биржи труда. Таким образом, подчеркивая добровольный характер поступления на работу, на практике устанавливалась монополия государственных бирж труда на процессы найма и регулирования рынка труда, как в отдельных регионах, так и в масштабах всего государства. Новый порядок найма, при котором работодатель мог получить рабочую силу только через биржи труда, просуществовал без изменений до середины 1924 г., когда из-за значительной по объему и быстро растущей безработицы (более 1 млн 400 тыс. официально зарегистрированных безработных) биржи труда были реорганизованы и порядок найма изменен. Декретом ЦИК и СНК СССР от 2 января 1925 г. были окончательно отменены поступления на работу через биржи труда. Однако НКТ сохранил за собой право регулировать рынок труда, так как в декрете особо оговаривалось, что вся посредническая работа по трудоустройству должна была осуществляться исключительно через органы НКТ [5, с. 24-25].

В связи с децентрализацией хозяйственных связей и переходом промышленных предприятий на хозрасчет система социального обеспечения в стране была заменена социальным страхованием трудящихся за счет страховых взносов работодателей. Вводилось обязательное социальное страхование: работников государственной промышленности – за счет предприятий, частновладельческой и арендной – за счет предпринимателей. Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 21 декабря 1922 г. право осуществления социального страхования на производстве передавалось из Наркомата социального обеспечения (НКСО) в ведение НКТ [12, с. 208-209]. В регионах функции социального страхования осуществляли губернские управления социального страхования при губотделах труда, а также городские и уездные страховые кассы. Однако на местах отчисления в операционные фонды соцстраха выполнялись крайне нерегулярно и не в полном объеме. Причин невыплат было несколько. Главными из них являлись сложное финансовое положение предприятий местной промышленности, снятых с госбюджетного финансирования при переходе на хозрасчет, и резкое возрастание численности застрахованных рабочих. Так, в первой половине 20-х гг. в Центрально-Черноземном экономическом районе (ЦЧР) по одной только Воронежской губернии дважды по ходатайству губернских властей государством списывались крупные задолженности госпредприятий по выплатам соцстраха. Списание долгов по соцстраху в той или иной форме имело место по всему Черноземью [8, д. 107, л. 16; 9, д. 1491, л. 1-2, 12].

В КЗоТ 1922 г. среди прочих предусматривались существенные льготы для женщин и несовершеннолетних работающих в возрасте от 14 до 18 лет, бронирование для последних определенного государством минимума рабочих мест и бесплатного обучения в системе профессионально-технического образования. После создания ЦЧО в 1928 г. в систему профтехобразования региона были включены: 13 школ ФЗУ, 2 рабочих вечерних техникума, 20 профессионально-технических рабочих школ и 8 учебных индустриальных мастерских. Кроме того, в ЦЧО работала 1 учебная профтехническая сапожная мастерская, 11 учебных заведений (профшкол) и 5 учебных курсов кройки и шитья [34, с. 44-47].

С переходом к нэпу начала осуществляться коренная перестройка всей системы тарифов на производстве с целью превращения их в важнейший стимулирующий фактор быстрее восстановления разрушенного хозяйства. Однако этот процесс был чрезвычайно труден и противоречив. По данным Высшего тарифного Совета (ВТС), динамика величины среднемесячной зарплаты рабочих 1-го (низшего) разряда в госпромышленности в довоенных рублях (1913 г.) сопровождалась «большой пестротой погубернских цифр заработка и громадным диапазоном колебаний от максимума к минимуму». Разница между «высшим и низшим» уровнем среднегубернской оплаты труда рабочих составляла в РСФСР в первой половине 1922 г. 196:1. Все четыре основные черноземные губернии по уровню величины заработка квалифицировались как «ниже среднего», наряду с территориями Европейского Севера страны [25, с. 4-5].

Перестройка оплаты труда на предприятиях в ходе тарифной реформы 1921-1922 гг. проходила на основе введения в действующую систему тарифов новых тарифных сеток. Тарифная реформа завершилась созданием единой для всей промышленности 17-разрядной тарифной сетки с соотношением в оплате крайних (1-го и 17-го) разрядов как 1:8. Однако значительные отличия в уровне экономического и культурного развития регионов СССР делали переход на новую систему не только сложным, но и порождали «разнобой». Так, в начале 20-х гг. на территории Черноземья на промышленных предприятиях одновременно действовало более 30 видов 17-разрядных тарифных сеток, что вносило путаницу и в конечном итоге дезорганизовывало производство [21, с. 36]. Относительная унификация тарифных сеток в регионе была достигнута лишь во второй половине 20-х гг.

Кризисная ситуация в экономике в начале 20-х гг. вызывала протестные настроения у значительной части кадровых рабочих. В начальный период нэпа протесты проявлялись в жалобах во властные структуры и профсоюзы, а в случае затягивания сроков или отказе в решении вопроса – в забастовках. В целом возможно

констатировать, что главной причиной рабочих выступлений в 20-е гг. были неудачные или непопулярные экономические действия власти и администрации предприятий, особенно ярко проявлявшиеся на местах. Так, для губерний Черноземного Центра РСФСР было характерно отсутствие в большинстве случаев у базирующихся политических требований, что обуславливалось социальным составом рабочих. Основными участниками забастовок на государственных предприятиях были рабочие тех отраслей, где зарплата была ниже средних показателей по региону. В Черноземье к ним, прежде всего, относились рабочие-металлисты, рабочие добывающих отраслей, текстильщики и полиграфисты. Важной особенностью Центрального Черноземья являлось участие в трудовых конфликтах, в том числе и в забастовках, большого числа сезонных рабочих, т.н. «полупролетариев», а также наличие забастовок на предприятиях, расположенных в сельской местности, что было связано с социально-экономическими особенностями развития региона. Однако специальные документы в виде постановлений с политической оценкой событий по результатам забастовок, как правило, не принимались и забастовки в абсолютном большинстве носили кратковременный характер.

Неудовлетворенность большей части рабочих низким уровнем жизни, курсом власти на сдерживание повышения оплаты труда в условиях общей интенсификации трудовых процессов, двойственной позицией советских профсоюзов, стремлением администрации «нейтрализовать» активистов из рабочих комитетов под угрозой их «сокращения» в условиях прогрессирующей безработицы вели к политической апатии и конформизму рабочих, к общему падению производственной дисциплины на госпредприятиях, огромному числу прогулов. На протяжении всего периода 20-х гг. руководство страны пыталось решить проблему повышения производственной дисциплины в госпромышленности. В отличие от частновладельческого сектора, она была низкой. Так, по результатам обследования специальной комиссии губплана роли частных предприятий в хозяйстве Орловской губернии в 1927 г. было сделано весьма примечательное заключение: «Приходится констатировать почти полное отсутствие тех дефектов, которые имеют место в госпромышленности и устранение которых поставлено государством на очередь дня. Здесь мы имеем в виду: а) быструю оборачиваемость средств; б) бережное обращение с инвентарем...; в) почти полное отсутствие прогулов; г) почти полное отсутствие простоев по нехватке материалов, несмотря на большие трудности приобретения их частником; д) зло, которое часто подрывает производительность труда на госпредприятиях - текучесть состава у частника не имеет места... Здесь мы не видим громоздкого и дорогого аппарата, сложной отчетности, отнимающей лишнее время и стоящей средств; здесь нет места и бюрократизму в той форме, в какой он пустил корни в госучреждениях и с чем настойчиво борется партия и правительство. Всякое решение принимается и проводится в жизнь быстро, не упуская выгодной конъюнктуры» [26, с. 202-203; 29, д. 46, л. 112-113]. В этой связи правила внутреннего распорядка для госпредприятий постоянно дополнялись новыми документами, которые в совокупности выявляли характерные для всего советского периода тенденции по стремлению к увеличению интенсивности труда, росту его производительности и укреплению трудовой дисциплины при хронической «недоплате» за квалифицированный труд.

В зависимости от изменения социально-экономической ситуации на протяжении исследуемого периода для каждого экономического района страны НКТ утверждал т.н. госминимум, гарантировавший лишь минимально необходимый прожиточный уровень потребления трудящихся. В губерниях Центрального Черноземья на цензовых и мелких промышленных предприятиях размер госминимума колебался от 6,5 до 9 червонных или 3,25–4,5 бюджетных руб., что было ниже среднестатистических данных по СССР. Низкий уровень госминимума объяснялся наличием в ЦЧР подавляющего большинства не кадровых (производственных), а сезонных рабочих в сельхозперерабатывающих отраслях с весьма коротким производственным циклом. А также огромным избытком свободных рабочих рук на селе, использовавшихся, в основном, в качестве «поденных» и подсобных рабочих, имевших мизерный (по сравнению с «производственными рабочими») заработок на предприятиях, расположенных в сельской местности региона [17, с. 31-32; 20, с. 18, 20-21].

Избыток рабочих рук в деревне вел к массовому их притоку в города. Неконтролируемый рост числа неквалифицированных рабочих на производстве приводил к «раздуванию» фондов заработной платы, что в свою очередь сопровождалось опережением темпов роста заработной платы по отношению к производительности труда. В этих условиях советское руководство продолжало расширять применение рычагов административного регулирования при решении экономических задач, имея конечной целью полный переход к директивному плановому развитию народного хозяйства страны.

Для рабочих наиболее болезненными являлись действия администрации предприятий по устранению «неправильностей» при разделении их по тарифным разрядам, введение в постоянную практику систематического пересмотра норм выработки и величины сдельных расценок. В 1925-1926 гг. ЦК ВКП(б) поручил ВСНХ и ВЦСПС принять необходимые меры для «перетарификации» работающих на госпредприятиях кадров «отдельных» отраслей промышленности. Как правило, повышение тарифных разрядов касалось кадровых рабочих тяжелой промышленности, в то время как их понижение – рабочих перерабатывающих отраслей легкой промышленности, к числу которых в первую очередь относились сельхозперерабатывающие отрасли, в наибольшей степени развитые в губерниях Центрального Черноземья [9, д. 1705, л. 7].

Процесс роста заработной платы в госпромышленности в 20-е гг. осуществлялся за счет неэквивалентного «перераспределения» ресурсов между секторами экономики, то есть за счет «перекачки» финансовых средств из села в город. Обозначенная тенденция, то ослабевая (в 1925-1926 гг.), то усиливаясь (с 1928-1929 гг.) имела место на всем протяжении второй половины 20-х и 30-х гг. Подсчеты известных экономистов и статистиков 20-х гг., в том числе А. Вайнштейна, Л. Кафенгауза и В. Громана [3; 11; 14], показывали, что объемы

огромных капиталовложений в промышленность в середине – второй половине 20-х гг. были непосильны для сохранения сбалансированного развития сельскохозяйственного и промышленного секторов народного хозяйства страны. Руководству СССР пришлось выбирать между необходимостью повышать низкий уровень жизни населения, прежде всего рабочих (за счет сокращения темпов промышленного строительства), и продолжением курса наращивания промышленного строительства за счет снижения уровня жизни всех граждан, особенно крестьянства. Как известно, политическим руководством СССР был избран второй вариант. Именно этими обстоятельствами в значительной степени возможно объяснить противоречивость социально-экономических результатов, достигнутых в СССР на завершающем этапе восстановительного периода, а также обреченность хозрасчетной политики нэпа.

В губерниях Центрального Черноземья, как и по всей стране в 1921–1924 гг. средняя заработная плата рабочего государственного ценового предприятия начислялась из-за инфляции ежемесячно и по средним показателям была ниже среднероссийской. До марта 1922 г. исчисление заработной платы в Черноземье происходило в товарных рублях губернских центров региона, то есть по средней цене минимальной потребительской корзины на «вольных» рынках Курска, Воронежа, Орла и Тамбова. С марта 1922 г. повсеместно начался переход на исчисление оплаты труда по коллективным договорам предприятий и тарифным соглашениям в процентном соотношении к индексу Госплана и Центральной статистики труда (ЦСТ). К осени 1923 г. в Черноземье такой переход был завершён. Однако вплоть до середины 20-х гг. рост заработной платы в регионе не «успевал» за ростом цен, и в условиях острой инфляции не позволял поднять доходы рабочей семьи до прожиточного минимума.

К концу 1924 г. в связи с успешным завершением денежной реформы выдача зарплаты в бюджетных рублях в Черноземном Центре была полностью прекращена. Это обстоятельство позитивно сказалось не только на доходной, но и на расходной части рабочих бюджетов, поскольку избавляло семьи от необходимости в спешном порядке тратить все наличные деньги, опасаясь их девальвации. Помимо роста заработной платы, в Черноземье за 3 года более чем в 6 раз выросли объемы привлечения средств за счет рабочего кредита. Вместе с тем росли и расходы рабочей семьи. Сравнив увеличение зарплаты и рост расходов на одного члена семьи воронежского рабочего-металлиста за 3 года, можно сделать вывод, что к началу 1925 г. заработная плата рабочего выросла в среднем на 267%, в то время как рост цен на отопление и свет увеличил расходы его семьи на 284%, на питание – на 386%, на одежду и обувь – на 716 % [31, с. 16-19].

Тем не менее, к началу 1925 г. в ЦЧО удалось добиться относительной стабильности в денежном обращении и существенно снизить инфляцию. Это позитивно повлияло на доходы рабочих, позволив впервые с начала революционных событий 1917 г. поднять оплату труда до уровня, а по ряду перерабатывающих отраслей и несколько выше прожиточного минимума, зафиксированного в регионе. Положительные сдвиги наблюдались и в доходах семей рабочих шерстоткацких фабрик Тамбовской губернии. Главное отличие семейного бюджета тамбовских текстильщиков от воронежских металлистов состояло в том, что к середине 20-х гг. зарплата главы семьи текстищика составляла чуть более половины поступлений семейного бюджета. Остальная часть доходов шла за счет зарплаты второстепенных работников, в том числе женщин и подростков, так как их работа не требовала большой физической силы и высокой квалификации, как у рабочих-металлистов воронежских машиностроительных заводов.

Особенность семейных бюджетов рабочих-текстильщиков «негородских» предприятий Тамбовской губернии состояла в том, что удельный вес заработной платы в их семейном бюджете был значительно ниже, чем у «городских» рабочих – 73,8% против 87,7% соответственно. На предприятиях, расположенных в сельской местности (вне городов), удельный вес доходов от личного подсобного хозяйства в общем объеме бюджета рабочей семьи был более значителен и составлял примерно 17,1%, в то время как у рабочих уездных городов этот вид дохода не превышал 2,7%. Такие показатели делали, например, структуру бюджета рабочей семьи рабочего поселка Рассказово типичной для промышленных предприятий РСФСР, расположенных вне городов, а бюджет рабочего-текстищика уездного г. Моршанска возможно считать близким к типичному бюджету провинциального рабочего-горожанина РСФСР. В целом общий уровень доходов семьи рабочего-горожанина Тамбовской губернии был ниже, чем у рабочих, живущих в сельской местности, так как в городах не вели личного подсобного хозяйства в таком объеме, как рабочие семьи «негородских» предприятий. В результате в бюджете городской рабочей семьи более значительное место занимали доходы от продажи вещей и т.н. «дополнительные приработки» [1, с. 86-198].

На протяжении 20-х гг. менялись и приоритеты в политике оплаты труда рабочих государственных предприятий. Если в 1921-1922 гг. основные задачи регулирования заработной платы со стороны губпрофсоветов и губотделов труда в Черноземье сводились к повышению оплаты труда с целью «приближения» ее к прожиточному минимуму, то в 1923-1929 гг. главным стало «закрепление» достигнутого уровня и «выравнивание» заработной платы путем «подтягивания отстающих» отраслей до уровня среднеоплачиваемых. Политика «подтягивания заработной платы» по отраслям во второй половине 20-х гг. и «уравнительная» тарифная реформа 1928 г. привели к ряду неблагоприятных тенденций в оплате труда рабочих ЦЧО. «Разрыв» в оплате труда имел место уже не только между отраслями легкой и тяжелой промышленности, но и внутри тяжелых отраслей группы «А». По данным областного Совета профсоюзов ЦЧО за 1927-1928 гг., молотобоец на тяжелых работах по 4-му рабочему разряду получал 45 руб., в то время как за гораздо более легкий и менее квалифицированный труд кочегара присваивался 7-й разряд с оплатой труда от 78 до 85 руб. в месяц [8, д. 107, л. 15].

Вместе с тем следует отметить, что в целом восстановительный период благотворно повлиял на местную промышленность, позволив не только восстановить, но и отчасти реконструировать предприятия [22, с. 27]. Однако, как в системе общесоюзного и республиканского, так и областного значения промышленность ЦЧО к концу 20-х гг. продолжала занимать очень скромное место. Ее валовая продукция составляла всего 2,2% общего объема выпуска промышленной продукции по СССР. В общем хозяйственном обороте ЦЧО ее промышленный сектор составлял 21,9%, в то время как сельскохозяйственный – 75,2% [Там же, с. 27-28].

При таком соотношении поглотить значительную часть имеющейся в ЦЧО «избыточной» рабочей силы аграрного перенаселения промышленность региона не могла. Учитывая незначительный удельный вес неземледельческого населения Черноземья и более чем 2,5 млн аграрного перенаселения деревни, возможно констатировать, что безработица в ЦЧО была явлением крайне болезненным. При этом для региона (как и по всей стране) был характерен существенный «разрыв» в реальной и официально зарегистрированной численности безработных. Во-первых, систематически ведущие статистику рынка труда профсоюзы при составлении списков безработных учитывали только членов профсоюзных организаций. Во-вторых, в статистику незанятого самодеятельного населения включались лишь те, кто был официально зарегистрирован на бирже труда в качестве безработного. В 1928-1929 гг. в ЦЧО было зарегистрировано (из числа незанятого неземледельческого населения) 92,6 тыс. чел. Из них официально статус безработных на бирже труда имели лишь 38,4 тыс. чел., т.е. 41,5% [16, с. 16, 47; 22, с. 27].

Подводя итог анализу представленного материала, в качестве наиболее значимого вывода следует отметить, что к концу 20-х – началу 30-х гг., когда хозрасчетный механизм нэпа был свернут, экономика страны все более и более приобретала черты плано-регулируемой системы. В этой связи регулируемая административными методами «сверху» заработная плата на госпредприятиях цензовой промышленности зависела не столько от уровня производительности труда в отраслях производства, сколько подчинялась общеплановым показателям, диктуемым в соответствии с общими политическими и усредненными экономическими установками высшего руководства СССР. При переходе от экономических механизмов нэпа к директивно-плановым методам управления экономикой в ходе форсированной индустриализации в традиционно аграрной ЦЧО приоритетными объявлялись отрасли промышленности, не связанные с сельским хозяйством, прежде всего по разработке и использованию естественных богатств края (КМА), электроэнергетике, химии и машиностроению. Проблема опережающего темпа роста заработной платы по отношению к производительности труда в госпромышленности ЦЧО (как и в целом по стране) была частично разрешена лишь с окончательным сломом нэпа и переходом к директивно-распределительной плановой экономике в 1930-е гг.

Список литературы

1. **Бюджет рабочего и служащего Тамбовской губернии к началу 1925 г.** // Бюллетень Тамбовского губ. стат. бюро. 1926. 15 января. № 7.
2. **Вайнштейн А. Л.** Народный доход России и СССР. История, методология исчисления, динамика. М.: Наука, 1969. 224 с.
3. **Вайнштейн Альб. Л.** Избранные труды. М.: Наука, 2000.
4. **Гимпельсон Е. Г.** Нэп и советская политическая система: 20-е годы. М.: Институт российской истории РАН, 2000. 338 с.
5. **Гиндин Я.** Безработица и борьба с ней. Л.: ВЦСПС, 1927. 172 с.
6. **Гордон Л., Клопов Э.** Форсированный рывок конца 20-х и 30-х годов: исторические корни и результаты // Политическое образование. 1988. № 5.
7. **Государственный архив Воронежской области (ГАВО).** Ф. Р-1439. Оп. 3.
8. **ГАВО.** Ф. Р-1439. Оп. 5.
9. **Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).** Ф. 5674. Оп. 6.
10. **Грегори П., Зотеев Г.** Экономический рост. Сравнительный анализ хозяйственных систем (Россия-СССР) // Коммунист. 1991. № 1.
11. **Громан В. Г.** Обзор народного хозяйства за 1 полугодие 1925/26 г. // Плановое хозяйство. 1926. № 6.
12. **Действующее законодательство о труде:** сб. декретов, постановлений и инструкций по вопросам найма, охраны труда, разрешения конфликтов и социального страхования, опубликованных по 1 июня 1923 г. М., 1923. Вып. 2.
13. **Изменения социальной структуры советского общества. 1921 - середина 30-х годов.** М.: Мысль, 1979. 334 с.
14. **Кафенгауз Л. Б.** Государственная промышленность СССР в 1925/26 г. М. - Л.: Промиздат, 1927. 122 с.
15. **Климов И. М.** Из истории формирования рабочего класса Центрального Черноземья. Воронеж: Центр.-Черноз. кн. изд-во, 1978. 72 с.
16. **Контрольные цифры хозяйства Ц.Ч.О. на 1928-29 годы:** материалы. Воронеж: Облплан Ц.Ч.О., 1928. 104 с.
17. **Маркус Б.** Положение рабочего класса в СССР. М.: Московский рабочий, 1927. 71 с.
18. **Милютин В. П.** История экономического развития СССР (1917-1927). М. - Л., 1928. 416 с.
19. **Народное хозяйство СССР. 1922-1972:** юбилейный стат. ежегодник. М.: Госстатиздат, 1972. 445 с.
20. **Отчет Курского Губпрофсовета за время с 10 февраля 1922 г. по 15 февраля 1923 г.** Курск: Изд. Губпрофсовета, 1923. 107 с.
21. **Отчет о работе Курского губернского Совета профессиональных союзов за 1923 год.** Курск: Изд. Полиграфобъедин. КГОМХ им. Карла Маркса, 1924. 63 с.
22. **Отчет Центрально-Черноземного Облсполкома (август-февраль) 1928-29 гг.** Воронеж: Изд. Ц.Ч. Облсполкома, 1929. 72 с.
23. **Пастухова Н. С.** Финансово-кредитная и налоговая политика // Организационные формы и методы государственного регулирования экономики в период новой экономической политики: сб. обзоров. М., 1992.
24. **Пашин В. П., Богданов С. В.** От «коммунармий» к безработице: государство и трудовые ресурсы в России (конец XIX – конец XX в.). Курск: КГТУ, 2003. Ч. 1. 174 с.

25. Поляк Г. Движение денежного заработка рабочих в 1921/22 г. // Бюллетень ЦСУ РСФСР. 1922. 16 июня. № 64.
26. Прокофьева Е. Ю. Труд и заработная плата рабочих на промышленных предприятиях Центрального Черноземья: проблемы государственного регулирования в 1920-е годы. Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. 512 с.
27. Промышленность ЦЧО в 1927-28 гг. Воронеж: Коммуна, 1929. 133 с.
28. Профессиональные Союзы СССР. 1926-1928: отчет ВЦСПС к VIII съезду профессиональных союзов. М.: Книгоиздательство ВЦСПС, 1928. 598 с.
29. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 3915. Оп. 1.
30. Стенографический отчет 1-й Центрально-Черноземной партийной конференции ВКП(б). Воронеж: Коммуна, 1928.
31. Строение дохода и расхода в бюджете металлистов // Воронежское губ. стат. бюро: стат. ежемесячник. 1924. Октябрь. № 5.
32. Труд в СССР: диаграммы 1926-1928 гг. М.: ВЦСПС, 1928. 58 с.
33. Труд в СССР: справочник 1926-1930 гг. / под ред. Я. М. Бинемана. М.: Планхозгиз, 1930. 104 с.
34. Центрально-Черноземная Область: справочная книга / под общ. ред. В. Алексеева, Е. Малаховского, Ал. Швера. Воронеж: Коммуна, 1929. 612 с.
35. Яковлев С. А. История регионов как путь к познанию истории России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 4 (1). Ч. 1. С. 217-221.

**PROBLEMS OF LABOUR AND WAGE REGULATION
OF STATE INDUSTRIAL ENTERPRISES WORKERS
IN THE 1920S (BY MATERIALS OF CENTRAL BLACK EARTH REGION)**

Elena Yur'evna Prokof'eva, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of Russian History
Belgorod State National Research University
prokofievaeu@mail.ru

The author reveals the problems of the labour and wage regulation of the workers at the state industrial enterprises of Central Black Earth region in the 1920s, and pays special attention to the contradictory purposes of the Bolshevik leadership in the course of the formation and evolution of the Soviet system labour relations, including the implementation of the principles of the distribution and remuneration of labour, the disproportionate redistribution of budget funds for the needs of industry, which gave rise to social-economic tension in the soviet society.

Key words and phrases: state industry; Central Black Earth region; forced loans; output norms; remuneration of labour; collective agreements; tariffication.

УДК 9.908

Исторические науки и археология

В статье рассматриваются особенности пропаганды безбожия на территории Восточного Забайкалья в 1920-1930-е гг. Анализируется деятельность Союза воинствующих безбожников. Изучены методы проведения антирелигиозной пропаганды среди разных категорий населения (рабочих, крестьян, школьников, женщин) как в период вхождения территории Восточного Забайкалья в состав Дальневосточной республики, так и после включения региона в состав РСФСР.

Ключевые слова и фразы: пропаганда; безбожие; Союз воинствующих безбожников; Церковь; репрессии; атеистическое воспитание.

Марина Владимировна Пряженникова

Кафедра истории

Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского
klichca85@yandex.ru

ПРОПАГАНДА БЕЗБОЖИЯ В ВОСТОЧНОМ ЗАБАЙКАЛЬЕ В 1920-1930-Х ГГ. ©

Работа выполнена в рамках Государственного задания вузу Минобрнауки РФ, № 6.2331.2011.

Придя к власти в октябре 1917 г., большевики развернули борьбу с «пережитками буржуазной идеологии», в частности, с религиозностью населения. Первым шагом в данной борьбе стали декреты Совета Народных Комиссаров об отделении Церкви от государства и школы от Церкви, изданные в январе 1918 г. В Чите 26 февраля 1918 г. Комитет советских организаций Забайкальской области постановил утвердить проект, разработанный на основе данных декретов Забайкальским областным комитетом по народному образованию. Исходя из этого проекта, религию запрещалось преподавать во всех учебных заведениях